

Ирина Мельникова

РОМАН
С ДЖУЛЬЕТТОЙ

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

РОМАН
С ДЖУЛЬЕТТОЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Роман с Джульеттой : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-218209-9

Известная актриса Алина Заблочкая поспешно сбежала из столицы после гибели мужа. Оказывается, он участвовал в ограблении известного антикара и утаил от подельников украденное кольцо. Теперь его дружки охотятся за Алиной, думая, что драгоценность у нее... Актриса укрылась в небольшом провинциальном городке у родственницы. Найти работу в театре не получилось, и Алина заменила подвернувшую ногу тетку, которая только устроилась домработницей к известному всему городу бизнесмену Игорю Луганцеву. Чтобы не потерять место, пришлось Алине вспомнить о своей основной профессии и немного перевоплотиться. Но удастся ли ей избежать разоблачения, ведь хозяин дома — молодой проницательный мужчина?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218209-9

© Мельникова И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Людмиле Полежаевой с благодарностью за дружбу и строгую критику

Автор

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Несмотря на преклонный возраст, ее машина успешно преодолевала километр за километром на пути к поставленной цели. Конечно, будь Алина одна, она уже к вечеру добралась бы до Староковровска, а так пришлось заночевать в гостинице областного центра и последние триста километров пилить в дождь, который навалился с утра и лил, лил, не переставая, почти семь часов кряду.

Она посмотрела на часы. Двенадцать, а они позавтракали в девять. И тут же поймала в зеркале заднего вида взгляд дочери.

— Мама, дай чего-нибудь пожевать!

И близнецы тотчас заняли:

— Чипсов, мама! Пить! Пепси!

— Господи! — вздохнула она. — И в кого ж вы такие прожорливые?

Но ее вопрос остался без ответа. Сыновья уже забыли о чипсах и подрались, не поделив игрушку. Полина принялась их разнимать, отчего оба тут же зашлись в плаче. И Алине пришлось увещевать старшую дочь, которая на вполне справедливые замечания матери надулась:

— Разбирайся с ними сама! У меня они уже в печенках сидят!

— Если бы ты умела водить машину, я бы не просила тебя присмотреть за мальчиками, — мягко сказала Алина и улыбнулась в зеркало, тщетно пытаясь поймать ответный взгляд дочери. Она понимала: Полине в последнее время досталось ничуть не меньше, чем ей. И всячески оберегала дочь от новых потрясений. Но одного она не могла себе позволить — оставить без внимания близнецов. Сыновьям недавно исполнилось пять лет, они вступили в самый шкодливый возраст, и забот с ними хватало.

Вчера они то и дело останавливались в придорожных кафе или на веселых лесных лужайках, где разводили костер, жарили сосиски на шампурах, поглощали бутерброды с ветчиной, соки и в меру мороженое, чтобы не застудить горло. Поэтому их путешествие больше смахивало на пикник. К тому Алина и стремилась, чтобы изгнать из памяти детей страхи, которые им пришлось пережить в последние два месяца после гибели Степана.

Но сегодняшний дождь нарушил все их планы. И путешествие, когда за окном невозможно ничего разглядеть из-за обильных потоков воды, превратилось в уныло-бесконечное времяпрепровождение. Тяжелее всего приходилось дочери. Полина была разумной и послушной девочкой, и Алина радовалась, что у них сложились теплые, доверительные отношения. Но она постоянно чувствовала себя виноватой, что взвалила на дочь часть своих забот. С утра Степку и Никитку удалось увлечь сказками из толстой книжки. Но их терпения хватило на полчаса. Затем они снова стали возиться, толкаться, делить игрушки, жаловаться друг на друга и громко рыдать, если Полина пыталась их утихомирить.

Обычно, чтобы избежать склок, Алина покупала им одинаковые игрушки. Но в конце концов у Степана все машинки оказывались без колес, детали «Лего» терялись, мячи укатывались в неизвестном направлении, а у Никиты, наоборот, все было в порядке. И более заграбушие и сильные руки Степана изымали у брата все, чего в этот момент ему страстно желалось. В результате оба поднимали дикий рев, а то затевали и вовсе неприличную драку. И Алине приходилось останавливать машину, чтобы навести порядок в семейных рядах.

Дорога впереди была пустынной, и только время от времени навстречу с шумом проносились машины с включенными из-за дождя фарами. «Дворники» почти не справлялись с обильными потоками воды, стекавшими по лобовому стеклу. Алина слегка пригнула голову, чтобы взглянуть красное кирпичное здание, возникшее на обочине среди глухого леса. На самом ли деле это придорожное кафе, которое обозначено на карте, или что-то другое, и кафе они просто-напросто проскочили, не заметив...

— Сейчас, сейчас, — сказала она, чтобы прекратить обиженный скулеж за своей спиной. Видно, Полина не выдержала и по-своему укротила братишку. Алина старалась не думать, каким образом. Теперь им было не по средствам содержать няньку. И Алина мирилась с этим, понимая, что ссора с дочерью внесет окончательный разлад в их семью.

Конечно, курить в машине с закрытыми окнами плохо само по себе, но трижды недопустимо, если в ней трое детей. А курить хотелось чертовски сильно, и, чтобы заглушить это желание, Алина вернулась в мыслях к событиям, которые вынудили ее спешно покинуть столицу...

И ведь знала она, что подслушивать чужие разговоры неприлично, а с другой стороны, не совсем приятно — вдруг услышишь о себе нелестные слова. Алина убедилась в этом на собственном опыте, но это спасло жизнь ей и ее детям...

Это случилось два дня назад на вечеринке, на одном из обычных для легкомысленной части Москвы сборищ. После гибели Степана и связанных с этим неприятностей Алина старалась лишний раз не высовываться из дома. Дети, театр, домашние обязанности, магазины — вот и весь круг, в который замкнулась ее жизнь. Но ее подруга Валерия, женщина пробивная и напористая, отказывалась принимать отречение Алины от былых удовольствий и всякими правдами и неправдами пыталась вытащить ее в свет.

Безусловно, Алина догадывалась об истинных причинах ее настойчивости. Валерия работала менеджером в фирме по производству кухонной мебели, но считала себя натурой богемной, а присутствие рядом Алины на подоб-

ных тусовках давало ей повод почувствовать себя значимым человеком в искусстве.

На этот раз она позвонила по телефону и, задыхаясь от восторга, сообщила, что вечером намечается грандиозный сабантуйчик. И буквально силком заставила Алину привести себя в порядок, принарядиться, подкраситься. И они поехали...

Правда, пришлось долго плутать по узким улочкам и переулкам старой части Москвы, но они все-таки нашли облупившийся особняк с наполовину ушедшим в землю крыльцом и перекошенной дверью в подъезд.

Хозяин, которого все приглашенные называли Эдиком, оказался типичным представителем золотой молодежи, но только сорокалетней давности. Этаким хипповатый старикан с седыми грязными лохмами до плеч, неопрятной бородкой, в повидавших многое джинсах вещал что-то о новых течениях в джазе и, тыча очередному собеседнику пальцем в грудь, поминал Розмари Клуни и Хэрби Хэнкока¹. Как поняла Алина, большинству гостей эти имена мало что говорили, все ждали, когда подадут выпивку и можно будет расслабиться.

Алина так и осталась в неведении о причинах сборища, но не слишком от этого страдала. Все разговоры были пустой болтовней, которая давила на ушные перепонки, не вызывая ни радости, ни огорчения.

И в этом отличительное свойство подобных вечеринок: наутро прочно забываешь, по какому поводу собирались, и с трудом вспоминаешь лица тех, кто суетился вокруг тебя на протяжении нескольких часов, а то и до утра...

Гости один за другим оставляли свои куртки, пальто, плащи в спальне, потому что вешалка в прихожей болталась на одном гвозде. Переступив порог, Алина тут же попала в круговорот, в котором изредка попадались знакомые физиономии. Одних она с трудом вспомнила, с другими кивком поздоровалась, с третьими... От третьих она отворачивалась, потому что они были ей неприятны...

Помимо спальни, в квартире были еще две комнаты, и

---

¹ Звезды джаза 50—60-х годов.

гости дрейфовали по ним со стаканами теплого спиртного, пытаясь поддерживать что-то отдаленно смахивающее на светскую болтовню. Поначалу Алина пыталась уловить смысл дискуссий, которые вспыхивали и угасали в разных концах квартиры, но вскоре ей стало скучно: все, что здесь пытались обсуждать, оказалось банальным трепом, столь же пустым, как и стаканы в руках приглашенных.

К тому же на лицах у большинства присутствующих просматривалось явное разочарование. Вечер только начался, а спиртное уже закончилось. Зашуршали купюры — нашелся активист подобного толка и занялся сбором средств на покупку алкоголя. Затем полчаса его ждали, изводясь от нетерпения и жажды. Наконец гонец в сопровождении еще одного добровольца появился в прихожей, и через некоторое время дискуссии возобновились с удвоенной силой.

Одно было удовольствие: здесь разрешалось курить. Сизые клубы дыма забивали легкие, от монотонной, прерываемой криками самых отчаянных спорщиков болтовни у нее разболелась голова. В кухне Алина обнаружила дверь, ведущую на крошечный балкон, и выходила на него пару раз покурить, пока его не оккупировала какая-то парочка.

Ей было скучно, а Валерия, кажется, вполне освоилась в этой пестрой компании и даже подхватила себе кавалера, угрюмого молодого человека, который разворотом плеч и короткой стрижкой совсем не вписывался в образ изможденной творческими исканиями личности. Но Валерия повисла у него на руке, что-то жарко шептала ему в ухо и, томно закатывая глаза, держала на большом расстоянии от подруги, значит, имела на нового знакомого свои виды.

Впрочем, не составляло труда догадаться, какие именно. От этих мыслей Алине стало не просто скучно, а как-то сиротливо. Одно только удерживало ее на вечеринке: возможность без помех вернуться домой. Но если Валерии удастся закадрить этого парня, домой придется добираться на такси...

Тут у нее закончились сигареты, но в куртке была еще одна пачка, и Алина направилась в спальню. Кто-то убрал

одежду с кровати и свалил ее в кучу на пол за огромной ширмой, расписанной с большой претензией на авангард. Она попыталась в этой свалке отыскать свою куртку, и в этот момент кто-то вошел в комнату. Погас свет, и Алина застыла, присев на корточки, потому что услышала голос Валерии.

Та захихикала:

— Сюда никто не войдет! Подумают, что кто-то трахается...

Мужской голос ответил:

— Святая простота! Скотство здесь не в новинку! Но пока никто сюда не приперся, можно поговорить.

— Сначала бабки! — сказала Валерия. — И включи торшер, а то я ничего не вижу.

Свет от торшера был крайне слаб, так как поверх оплавленного абажура громоздилась чья-то потерявшая форму шляпа. Судя по возрасту, она тоже принадлежала хозяину квартиры. Но Валерии этого света вполне хватило. Алина отчетливо услышала шуршание купюр, и ее передернуло от отвращения. Надо же так опуститься! Чего Валерии не хватает, чтобы продавать себя за деньги? Ей стало не по себе. С кем ее свела судьба? Несмотря на вздорный и легкомысленный характер, Валерия все-таки осталась ее единственной подругой и очень поддержала Алину, когда не стало Степана...

— Все в порядке? — спросил мужчина.

— Как в сберкассе! — ответила Валерия. — Только быстрее, а то Алина бросится нас искать. Я уже заметила, что вечеринка ей осточертела! Сейчас начнет скулить, чтобы отвезла ее домой. Дети, то да се! Навязалась на мою голову!

Алина похолодела. Она не предполагала, что Валерия может отзываться о ней с презрением. Может, перед мужчиной набивает себе цену?

Поняв, чем эта парочка собирается заниматься, да улышав вдобавок столь нелестное мнение о себе, Алина определенно не могла показаться из-за ширмы и затаилась в нелепой, скрюченной позе, боясь выдать себя неловким движением.

— Попытайся задержать ее до утра! — сказал мужчина. — Дети дома одни или с нянькой?

— Одни. С Полиной, — сообщила ее лучшая подруга. — Но до утра Алина не вытерпит. Самое позднее до часу ночи.

— Плохо! — строго сказал мужчина. — Во дворе еще полно шпаны, да два-три придурка завсегда с собаками гуляют, могут засечь...

— Консьержке я заплатила, она исчезнет на полчаса...

— Это дела не решает, — уже более сердито произнес мужчина. — До утра она не должна появиться. Чтобы ошмонать квартиру, нам нужно часа три-четыре.

— А ты уверен, что *она* спрятано в ее квартире?

— Все тип-топ! Не суетись! — засмеялся мужчина. — У него в запасе было не больше десяти минут. В квартире есть тайник. И мы его найдем. Только смотри, если она появится раньше, вторую половину не получишь.

Валерия захихикала:

— Твои парни напрудят в штаны от испуга? Так ее ж соплей перешибешь!

— Это не твоего ума дело! Нам нужно, чтобы никто не знал, что мы побывали в квартире. Днем не получится. Она ставит квартиру на сигнализацию.

— А если дети проснутся? — спросила Валерия.

— Это тоже не твоя забота, — отрезал мужчина. — Тебе заплатили деньги, чтобы ты увезла ее из дома. А теперь проваливай и смотри, в случае чего трахнут тебя всем гамузом. И учти, абсолютно бесплатно!

— Дурак! — Валерия, похоже, надула губы. — Я к тебе со всей душой...

— Ну а я к тебе всем передом! — неожиданно хохотнул мужчина и приказал: — Разворачивайся!

Снова погас свет. С обмершим от ужаса сердцем Алина слушала, как они возятся в темноте. Мужчина сопел, кряхтел, что-то бормотал сквозь зубы, Валерия приглушенно вскрикивала и громко дышала. Все это было омерзительно, но Алина пребывала в шоке от услышанного. Подруга, которая осталась единственной, кому она доверяла, предала ее. Алина ничего не понимала, но знала од-

но, что ей надо немедленно убираться отсюда и мчаться домой...

— Кафе, мама, это кафе, — подала голос Полина, и Алина с облегчением перевела свои мысли в другое русло.

ГЛАВА 2

Они миновали с пяток вытянувшихся вдоль дороги дальнобойных фур и свернули на пандус, по которому захехали на автостоянку возле кафе. Сквозь потоки дождя Алина разглядела несколько машин. «Ауди», два «Опеля» и три крутых внедорожника. Ее «Жигули» казались жалкой рухлядью на их фоне. Но ее больше заботило не то, кто и что подумает о ее машине. Требовалось поставить ее так, чтобы сократить расстояние до кафе и не позволить детям вымокнуть. Она велела им натянуть капюшоны на голову, а Полине — прихватить зонтик.

— Полина! Живее! — крикнула Алина, заметив, что дочь замешкалась на крыльце, пытаясь справиться с зонтиком, который порывом ветра вывернуло наружу. Втолкнув близнецов в двери, она отобрала у дочери зонт и, стряхнув воду, сложила его. И только тогда вошла вместе с Полиной в кафе.

Видно, по причине дождливой погоды здесь скопилась масса народа, и, как ни печально, все столики оказались заняты. Три из них, сдвинутые вместе, оккупировала шумная компания крепких молодых мужчин, явно дальнобойщиков. Они вели себя по-хозяйски, шумно и бесцеремонно, не обращая внимания на остальную публику, торопливо поглощавшую свои порции пельменей и шашлыков.

Алина беспомощно огляделась. В зале было полутемно и сильно накурено, воняло пивом и крепким мужским потом. Близнецы притихли и, прижавшись к матери, не теребили, как это бывало, ее за подол куртки, требуя немедленной кормежки.

— Мама, пойдем отсюда! — тихо сказала Полина. — Мне здесь не нравится...

— Присмотри за братьями, — велела Алина, — я все-таки попробую что-нибудь раздобыть.

Тут из-за спин толпившихся у стойки посетителей оказалась средних лет женщина, худенькая, большеглазая, в белом кружевном переднике поверх спортивного костюма.

— Ой, кто это к нам пожаловал? — Она склонилась к близнецам. — Какие славные карапузики! Близняшки? — И снизу вверх посмотрела на Алину. — Проголодались небось?

Алина неловко улыбнулась.

— Хотелось бы пообедать, но мест нет, а мы не можем долго ждать.

— Да найдем вам места! Не беспокойтесь! — произнесла певуче официантка. — Я вас на второй этаж провожу. Туда мы эту братию не пускаем. — Она пренебрежительно махнула рукой в сторону дальнобойщиков. И, расплывшись в улыбке, прижала мальчишек к себе. — Ишь, нахохлились, как воробушки! Пойдемте уже. — И, увлекая близнецов за собой, направилась в глубь зала, предварительно заговорщицки подмигнув Алине: — Не тушуйся! Я тут всех знаю как облупленных! Никто вас не тронет!

Алина переглянулась с дочерью, скорчила забавную гримасу и пожала плечами. Полина улыбнулась в ответ, и они двинулись вслед за официанткой.

Ажурная чугунная лестница вывела их на второй этаж. Здесь посетителей было меньше, но пустовал всего один столик в углу, к нему и подвела их официантка.

— Присаживайтесь, — сказала она, — а я вас вкусеньким накормлю. — И погладила ближнего к ней Степку по голове. — Надо же, на одно лицо пацанята. — И посмотрела на Алину. — Не боязно одной по такой погоде разъезжать?

— А у нас папки нет, — доложил Степка. — Его из автомата убили!

Впервые Алина пожалела, что у сына такой звонкий голос. Сидевшие за соседним столом мужчины разом обернулись и уставились на них.

«А чтоб тебя!» — такого Алина не ожидала.

— Прекрати болтать! — строго приказала она сыну и

мило улыбнулась официантке, отметив краем глаза, что мужчины смерили их взглядами и отвернулись. — Я бы хотела заказать что-нибудь!

— Да, да, — засуетилась официантка и подала им папочку с меню. — Выбирайте и не бойтесь, у нас хорошо готовят.

Надо отдать ей должное, официантка даже глазом не моргнула на Степкино заявление и, приняв заказ, тут же удалилась.

Алина шепотом сделала малышам подобающее случаю внушение. Но они слушали ее вполуха, болтали ногами, а потом враз потянулись к набору для специй. Полина едва успела его перехватить и, придвинув к себе, шлепнула мальчишек по рукам.

— Мама, она дерется! — сварливо сообщил Степка и попытался пнуть сестру, но промахнулся и чуть не слетел со стула.

Алина ревизовала в это время содержимое своего кошелька и лишь отмахнулась.

— Прекратите ссориться. Как вам не стыдно?

— Мама! — теперь настал черед Никиты. Все это время он сидел молча, но тоже, видно, решил получить свою порцию материнского внимания. — Я писать хочу! — произнес он капризно.

— Потерпи, сынок! — ласково сказала Алина. — Туалет здесь на улице. А там дождь. Мы и так вымокли.

— Я тоже хочу! — живо присоединился к нему Степан. — В туалет! — предыдущее внушение матери о том, что не стоит кричать во все горло, было уже прочно забыто.

И о том, что ему приспичило, тут же стало известно всем сидевшим за столиками на втором этаже кафе. Конечно, в этом не было ничего предосудительного. Дети есть дети! Но Алине не понравилось, что на них обращают внимание. К тому же Полина покраснела и умоляюще посмотрела на мать.

— Мама, пойдём отсюда! Я боюсь!

— Чего ты боишься?

— Эти дядьки... — шепотом произнесла Полина и глазами показала на сидевших за столиками мужчин. — Они похожи на тех, кто к нам приходил...

— И что? — так же шепотом ответила Алина. — Это совсем другие дядьки. Те остались в Москве...

— Все равно боюсь. — Губы дочери капризно скривились. — Купи чего-нибудь, поедем в машине.

— Нельзя всухомятку, — строго сказала Алина. — И выбрось из головы эти глупости. Тут никому нет дела до нас.

— Мама, я больше не могу! — Никита соскочил со стула. — Я писать хочу!

— В туалет! — Степка последовал примеру брата.

— О боже! — Алина беспомощно посмотрела на дочь. — Полюшка, посиди, прими заказ, а я сбегаю с мальчишками на улицу.

— Попросите, чтобы вам открыли служебный туалет, — неожиданно сказал мужчина, сидевший к ним спиной за соседним столиком. Он даже не взглянул в их сторону, лишь слегка повернул голову, чтобы стало понятно, к кому он обращается.

— Что? — растерялась Алина.

— На первом этаже есть служебный туалет, — с досадой буркнул их сосед. Вероятно, вторая фраза в его планы не входила.

— Спасибо! — пролепетала Алина, но ее, похоже, не расслышали.

К счастью, появилась официантка с огромным подносом, уставленным тарелками, кажется, не с пельменями, которые она заказала, но с чем именно, Алина не успела рассмотреть, потому что близнецы уже изнывали от нетерпения. Узнав, в чем проблема, официантка снова расплылась в улыбке.

— Сейчас, сейчас все уладим! — И, заметив, что Алина вознамерилась подняться, остановила ее движением ладони: — А ты сиди! Я сама с ними управлюсь!

— Но мне неудобно, — запротестовала Алина. — Я...

— Да чего там неудобно? — удивилась официантка. — Я что, не мать? Четверых вырастила. Теперь уже внуки пошли... — И посмотрела на близнецов. — Ну, что, воробушки, поскакали?

— Поскакали! — хором отозвались близнецы, и когда

официантка взяла их за руки, и впрямь направились к лестнице вприпрыжку.

— Я с ними! — торопливо сказала Полина. — Я тоже хочу!

— Иди! — согласилась Алина. — И присмотри за ребятами!

— Присмотрю, — кивнула Полина и чуть ли не бегом миновала расстояние до лестницы.

Алина проводила ее взглядом. Полина хотя и ворчала, и жаловалась на братьев, но тревожилась за них не меньше матери. И хорошо, что ей тоже потребовалось в туалет, так Алине будет спокойнее, раньше она никогда не доверяла детей незнакомым людям. И старалась находиться с ними все время, если не была занята в театре. Позавчерашняя вечеринка стала редким исключением, но как она благодарила бога, что позволила Валерии себя уговорить. Еще неизвестно, как повернулись бы события, останься она в тот вечер дома...

Последние двое суток она жила на сплошном адреналине. И Москву покидала в панике, только сейчас осознав, что в спешке забыла многие необходимые для жизни вещи. Но удача в лице доброжелательной официантки преподнесла ей неожиданный подарок. Ей вдруг выпало минут десять провести в относительной тишине, но она все равно оставалась в напряжении. Ей, как и Полине, не понравились сидевшие за соседними столиками мужчины. Возможно, она не обратила бы на них внимания, если бы не слова Полины. Дочь сидела лицом к залу, Алина — спиной и теперь на всякий случай пересела на ее место.

Она сняла с себя влажную куртку и повесила на спинку стула, затем подумала и сняла с головы шапочку. Вряд ли кому в этой дыре взбредет в голову узнать ее, тем более волосы, свою красоту и гордость, она стянула резинкой в пучок, чтобы не слишком привлекать внимание. Почему-то мужчины первым делом клевали на эту буйную темно-каштановую копну, а затем уже замечали глаза, зеленые, яркие, они сияли, когда Алина была счастлива, и темнели, когда переживала неприятности или сердилась. Говорят, рыжий цвет волос — доминирующий фактор, который всегда передается по наследству, но ее дети походили

на своих отцов. Полина — на актера Леонтия Молчанова — первого мужа Алины, за которого она выскочила на третьем курсе Щепки, а близнецы на второго — бизнесмена Степана Круглова, владевшего в Москве сетью супермаркетов...

Первым делом она осмотрела стол и приятно удивилась. Для Степки с Никитой официантка принесла молочную кашу, для нее и Полины абсолютно домашний супчик с фрикадельками и сочные отбивные... Это тебе не надоевшие, неизвестно из чего приготовленные пельмени, излюбленное блюдо придорожных забегаловок...

Правда, было абсолютно непонятно, почему официантка выделила их из множества посетителей, ну, выделила, и ладно! И слава богу! Алина бросила быстрый взгляд в сторону мужчин, которые чем-то напугали ее дочь. Тот, что подсказал им про туалет, был широкоплечим и высоким, с седой головой. Шея, по крайней мере, та ее часть, что выглядывала из-под воротника темной кожаной куртки, казалась почти черной от загара. Его спутники, мужчины лет тридцати пяти — сорока, смотрелись тоже вполне солидно. На первый взгляд руководители или бизнесмены довольно высокого уровня. Все в темных костюмах, дорогих рубашках и галстуках.

Алина взглянула на их ноги. Что ж, она не ошиблась! По обуви можно определить доход ее владельца. А доходы ее соседей, вероятно, превышали содержимое ее кошелька на цифру со многими нулями.

Вся эта компания занимала три столика. Скорее всего, именно им принадлежала вереница дорогих машин рядом с кафе, между которыми она втиснула свои «Жигули». Но она так и не сумела понять, почему Полина испугалась этих мужчин. В отличие от тех, что посетили их ночью на даче за два дня до убийства Степана, эти вели себя оживленно, смеялись, пили коньяк и обсуждали, судя по долетавшим до нее фразам, какие-то производственные вопросы. Это ее успокоило. В бандитский лексикон вряд ли входят такие понятия, как «социалка», «очистные сооружения», «реконструкция и модернизация производства» или «задолженность по зарплате»...

На этом ее интерес к компании солидных мужиков,

наверное, и иппак бы, если бы один из них не привлек ее внимание. Судя по всему, именно вокруг него все и вертелось. Он был здесь старшим по должности, руководителем, директором или главой района, не суть важно, но к нему постоянно обращались, спрашивали его мнение, пили за его здоровье, а он ничего не делал для того, чтобы обозначить свое главенство. Но было что-то такое, почти необъяснимое, в его красивом породистом лице, холодном взгляде серых глаз, в изгибе губ, отчего Алине стало не по себе.

И она поняла почему. В отличие от окружающих его людей этот человек не улыбался. И тогда она другими глазами посмотрела на его окружение. Похоже, за суетой и показной веселостью они пытались скрыть, что чувствуют себя не в своей тарелке. Вероятно, Полина испугалась именно этого мрачного господина, потому что люди, перерывшие их дачу вверх дном, тоже не улыбались...

— Мама! Мама! — звонкие крики отвлекли ее от созерцания Мистера Икса, как мысленно она обозначила для себя господина с холодным взглядом. И хотя он был без маски, но чем это не маска: застывшая, как у зомби, физиономия? Никаких человеческих чувств, хотя то, как его приближенные изощрялись перед ним в остроумии, заслуживало отдельного разговора! Какие бодрые речи они произносили, чуть ли не здравицы провозглашали, а он только кривил губы. Или эта гримаса на самом деле своеобразная защита от чересчур усердного лакейства подчиненных?

— Мама! Кушать! — Близнецы с грохотом отодвинули стулья и с грохотом же на них устроились.

И Алина могла дать голову на отсечение, что именно эти звуки по-настоящему привлекли внимание Мистера Икса. Глаза его сузились, и он что-то быстро сказал мужчине с седой головой. Алина срочно перевела взгляд на детей.

— Руки помыли? — строго спросила она.

— Помыли! — дружно завопили близнецы и повертели у матери под носом чистыми ладошками. Но тут заметили кашу и столь же дружно заканючили: — Каша! Не хотим кашу! Хотим пельменей!

— Никаких пельменей! — отрезала Алина. — Пельмени для взрослых. А вам положено есть кашу, и вы съедите ее до последней крошки!

— Мама! Ты зачем пересела на мое место? — вклинилась в спор Полина. — Мне здесь не нравится. — Она смерила мать обвиняющим взглядом. — Всегда ты выбираешь лучшее место.

И тут Алина вспылила.

— Немедленно сядь и принимайся за суп! — прошипела она. — Я села на твое место, потому что ты испугалась этих дядек! Будешь сидеть к ним спиной! И прекрати заявлять, что тебе не нравится это, не нравится то! Мне тоже многое не нравится, но я молчу и тебе советую помолчать!

Полина с недовольным видом плюхнулась на стул, взялась за ложку и стала возить ею в тарелке с супом.

— Пока все не съедите, никто не сдвинется с места! — это замечание относилось уже ко всему семейству.

И дети притихли. Они знали, мать редко выходит из себя, но если уж вышла, то в эти моменты с ней лучше не спорить.

С обиженным видом дети принялись за еду, а Алина облегченно вздохнула. Кажется, ростки конфликта вырваны с корнями. Она подняла глаза и невольно снова посмотрела в сторону шумной компании «начальников», как она мысленно их окрестила. И поймала столь же мгновенный взгляд Мистера Икса. Алина не сразу поняла, почему ей стало нехорошо. Что в этом такого? Посмотрел и тотчас перевел глаза на своего собеседника. Неприятный тип, которого она видит первый и наверняка последний раз в жизни. И все же ощущение от этого взгляда было... Она поначалу никак не могла найти ему определение. А потом поняла. Он посмотрел на нее с брезгливой жалостью. Так смотрят на нищих в метро, побирушек у церкви, на бомжей, роющихся в мусорных баках...

Он ее презирал. Презирал за то, как она выглядит, презирал за ораву детей, за то, что они, по его мнению, плохо воспитаны, за то, что поглощают копеечные блюда... И Алина вдруг почувствовала, что навсегда переступила